

ГАСТРОЛИ «ТЕАТРА ПОЛЬСКОГО»

Высокое мастерство

К ИТОГАМ ГАСТРОЛЕЙ
НАШИХ ГОСТЕЙ

За несколько дней гастролей Государственного Польского театра перед нами прошла плеяда талантливых актеров, каждый из которых обладает своей, непохожей на другого, индивидуальностью. Это актеры разных поколений и разной жанровой направленности. И все-таки, мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что большую часть этих артистов роднит нечто общее, что в их разнообразном и многогранном творчестве можно отыскать единый ключ.

Коллектив «Театра Польского» сформировался в 1913 году, и большая часть его деятельности была неразрывно связана с той системой, которую утверждал на своей сцене Московский Художественный театр. В последние годы, когда нерушимая дружба между народами Советского Союза и Польши многое определила в путях развития польского искусства, коллектив Польского театра особенно близко подошел к существу системы Станиславского.

Глубокая правдивость, полнота чувств, глубина психологической разработки характеров и скупость, лаконизм внешней формы отличают лучшие актерские работы в различных спектаклях. Можно спорить о достоинствах и особенностях того или иного образа, возникшего перед нами в спектаклях. Но нельзя не видеть того, что актерское искусство в целом истинно реалистично, что оно отмечено большими чувствами, глубоким содержанием.

Мне представляется отнюдь не случайным, что в постановке «Сид» спектаклю предпослан пролог, написанный переводчиком пьесы поэтом Станиславом Выспяньским. В этом прологе поэт делится своей заветной мечтой о будущем национального польского театра. Ему представляется, что это будет театр огромных чувств, больших тем, глубоких переживаний. То, что Выспяньскому казалось смутным и далеким будущим, стало реальным содержанием, действительностью Польского театра. «Сид» прозвучал в исполнении польских актеров, как гуманистическая трагедия. Пафосом больших гражданских чувств отмечены образы Химены в исполнении Нины Андрыч, Пифанты в исполнении Эльжбеты Барщевской, Родриго, которого играет Ян Кречмар. И хотя мне кажется, что для последней роли актер мог бы усилить страстные ноты, все-таки героический пафос в решении его характера звучит убедительно.

Самым интересным в актерских работах этого спектакля мне представляется то, что почти все исполнители избегают преувеличенной приподнятости выражения чувств, которая свойственна произведению Горнея. И в этой трагедии актеры сохраняют внутреннюю скромность, человеческую достоверность.

При полной строгости, даже подчеркнутой суровости внешнего рисунка наибольшей сконцентрированной силы достигают исполнители пьесы Леона Кручовского «Юлиус и Этель».

Мне трудно определить другим словом, чем потрясение, то чувство, которое я испытала, когда смотрела этот спектакль. Когда я пытаюсь хоть как-то объяснить, чем столь поразила меня игра Галины Миколайской в роли Этель, мне вспоминаются замечательные слова Станиславского: «Пить право прийти на сцену, ничего не делать и жить так, чтобы зритель жил с вами в унисон. — это великая радость! Для того, чтобы этой радостью овладеть, надо понять, для чего вы пришли на сцену». Вот мне и кажется, что Миколайская, выходя на сцену, словно ничего не делает, но ни одно ее движение, ни один ее душевный поворот, ни одна мгновенная мысль, отраженная на ее проникновенном и прекрасном лице, не может пройти мимо сердца зрителя. Это та великая простота, к которой стремимся мы все и которой, надо прямо при-

знаться, достигают только немногие из нас.

Есть, например, в спектакле такая сцена: в своей камере, в этой серовато-землистой комнате, напоминающей об уходящей жизни, Этель слышит телефонный звонок. Все в ней стремится к тому, чтобы снять трубку. Но рука Юлиуса медленно ложится на черный аппарат. Этель застывает. И тогда она узнает от начальника тюрьмы, что это звонит ее сын. Актриса стоит у стены, и весь последующий диалог Юлиуса и тюремного начальника не может исторгнуть у нее ни единого звука. Слегка покачиваясь, она неотрывно смотрит на этот холодный неодушевленный аппарат, который мог вернуть ей живой голос сына. Скорбная сила и величие страдания, и побеждающая все это человеческая гор-

тельно, словно блестящей игре не предшествовал большой актерский труд. А между тем и легкость, и простота исполнения в драматических спектаклях даются нелегко. Они являются следствием упорной работы, длительного самовоспитания, истинного понимания своих задач в искусстве. Мне кажется, что в игре польских актеров ощущается несколько очень важных особенностей. У них воспитано строгое чувство ансамбля. Не чувствуется ни стремления во что бы то ни стало выйти на первый план, ни ячества, свойственного буржуазному театру. Каждый выполняет часть целого, и все вместе стремятся наиболее полно и правдиво выразить ту идею, которая заложена в произведении.

В «Театре Польском» придают особенно большое значение профессиональному мастерству. Поэтому в спектаклях, где встречаются представители нескольких поколений, трудно заметить разницу между опытным актером, прошедшим боль-

достью ощущаются в ее изогнутой шее, в чистых и строгих линиях лица, в напряженном и трагически ровном покачивании.

Нет, просто нельзя забыть этого человеку, которому довелось увидеть вдохновенную сценическую жизнь — Этель — Миколайской.

Конечно, нельзя требовать, чтобы все исполнители обладали равными по масштабу талантами. Но несомненно, что та сдержанность, благородство и скупость внешних проявлений, которые свойственны манере Миколайской, присущи всем участникам этого спектакля. Так же мужественна и строга игра Талеуша Кондрата, исполняющего роль Юлиуса. Поистине великолепно мастерство Александра Жабчинского, играющего роль прокурора. Актер показал такое отточенное мастерство, такую психологическую тонкость, что его творческая работа, мне кажется, во многом может стать поучительной при решении образов отрицательных персонажей. Ведь на первый взгляд этот элегантный седей человек может обмануть кого угодно, — столько в нем непринужденности, мягкости. Но зато, насколько страшно его подлинное лицо, когда в двух или трех сценах буквально одним движением руки или жестко сжатыми губами актер показывает всю беспредельную, звериную жестокость этого человека.

Казалось бы, актеры «Театра Польского» воспитаны на драме, даже на трагедии. Но вот перед нами развертывается в стремительном темпе действие классической польской комедии Александра Фредро «Муж и жена». И мы видим тонкую изящную иронию, блеск диалогов, целый каскад остроумных находок. Известная условность комедии не мешает актерам высказать свое откровенно издевательское отношение к персонажам. Но высказывают они это так легко, так грациозно и непринужденно зарази-

тельную и профессиональную школу, и молодым исполнителем, только недавно начавшим свою самостоятельную жизнь в театре. Не потому ли мы можем назвать несколько имен самых молодых актеров, которые не только занимают равноправное место в художественной жизни театра, но и во многом определяют ее. Такими актерами мне представляются уже названная Галина Миколайская, Чеслав Воляйко, играющий светского повесу Альфреда в «Муже и жене» и писателя Юлиана Скупеня в комедии Ежи Юрандота «Такие времена». Это пример подлинного перевоплощения, как и у Талеуша Кондрата, сыгравшего после трагической роли Юлиуса острокомедийную роль в «Таких временах». Такой же многогранной актрисой является и Рышарда Ханин, тонко и поэтично исполнившая роль Сони в пьесе Чехова «Дядя Ваня».

Представляется также весьма существенным, что польские актеры очень бережно и любовно относятся к своеобразию поэтического языка каждого драматурга. Так рождается сосредоточенный пафос в «Юлиусе и Этели», сложная и мягкая простота в «Дяде Ване», безудержное грациозное веселье в «Муже и жене».

Конечно, я не имею возможности перечислить все имена актеров, которые взволновали меня во время ленинградских гастролей. Но мне радостно отметить, что основные принципы актерского искусства в польском театре сходны с нашими принципами, что искусство наших друзей близко нашему пониманию, отвечает тем заветам, которые оставил нам великий учитель театральной правды Станиславский.

Е. КАРЯКИНА,
народная артистка РСФСР

На снимке: сцена из спектакля «Дядя Ваня» в постановке Государственного Польского театра
Фото Г. Чертова